

Цуй Цюэ тоже отбил поклон, выражая благодарность, и, продолжая стоять на коленях, поведал евнуху Гао, что уже давно написал разводную грамоту и более не имеет к госпоже Сюй и семье Сюй никакого отношения. Гао Лян неопределенно улыбнулся и с показным добродушием изрек:

— Не беспокойтесь, господин. Из-за выходки госпожи Сюй вам в худшем случае грозит лишь обвинение в упущении при воспитании, но серьезная беда вас не коснется. Как-никак в вашей семье родился преданный государству вундеркинд, который по душе императору, так что его величеству нужно оказать ему толику уважения.

Зрачки Цуй Цюэ стремительно сузились. Вспыхнув от с трудом подавляемого чувства, он сквозь зубы спросил:

— Евнух говорит о моем не... том сыне Цуй Се, что сейчас не в столице?

Евнух Гао с улыбкой ответил:

— Именно о нем. Академик Ханьлинь Цуй, у императора есть еще одно повеление: как только это дело закроется, призвать его во дворец для испытания. Приняв указ, немедленно побеспокойтесь о том, чтобы вернуть его из Юнпинской управы, и поскорее отправьте в Министерство ритуалов, дабы он обучился правилам дворцового этикета.

В душе Цуй Цюэ горько стонал. Знай он заранее, что из его бездарного и никчемного старшего сына выйдет толк, разве отправил бы он его в деревню? Оставь он его в столице да вовремя прогони нерадивую госпожу Сюй, какой бы славой и почетом процветала ныне семья Цуй?

Надо было раньше призвать его обратно...

Мальчишка на свободе совсем отбил от рук, раз дерзнул своевольничать: даже не предупредив семью, пожертвовал имуществом. Когда он вернется, его нужно будет как следует проучить, чтобы знал, как проявлять сыновнее почтение к старшим. К тому же надо будет научить его, что говорить после входа во дворец — ведь собственная карьера Цуй Цюэ все еще висит на волоске в Министерстве чинов, а командующий Вань публично порвал с ним узы духовного братства. В безысходном положении оставалось лишь надеяться, что мальчик произведет хорошее впечатление на императора, и тогда служебные дела пойдут на лад.

Задумавшись об этом, он чуть не забыл принять указ. Лишь благодаря госпоже Сун, которая первой отбила поклон в знак благодарности, порядок был соблюден. Она тут же велела слугам приготовить щедрые кошельки с серебром для евнуха Гао, Се Ина и всех сопровождающих.

Евнух Гао лишь замахал руками:

— Разве ради вашего серебра я прибыл оглашать указ? Все это делается лишь для того, чтобы отбирать достойных людей для императора, иначе мне и вовсе незачем было бы лично приходить в усадьбу ланчжуна. Уберите деньги и лучше позаботьтесь о том, чтобы нанять толковых учителей для наставления вашего вундеркинда — вот это будет делом!

Цуй Цюэ покраснел от стыда до кончиков ушей и лишь покорно склонил голову, тихо поддакивая. Госпожа Сун поспешила поблагодарить евнуха за вразумление и пообещала немедленно отправить людей в Цяньань, чтобы вернуть внука.

Се Ин заметил:

— Слишком торопиться не стоит. Пусть дождется завершения экзаменов Юнпинской управы и узнает свои результаты, а уж потом возвращается. А иначе, если император спросит, какое место он занял, а тот сам не будет знать, разве не выйдет конфуз?

Евнух Гао согласился:

— И то верно, император тоже так думал, оттого и велел привезти его во дворец только после закрытия дела. К слову, спасибо цяньху Се за дотошность при расследовании. Не прояви вы такое усердие, зачинщица, подстрекавшая к клевете против уезда Цяньань, легко отделалась бы. Останься она в этом доме, кто знает, как еще она попыталась бы навредить праведному Цуй.

Се Ин вздохнул:

— Се лишь исполнял приказ, выявляя правду до конца, как же смею я присваивать себе заслугу? Лишь благодаря мудрости государя, лишившего госпожу Сюй титула гаомин, удалось избежать несправедливости. Ведь по закону знатная женщина с титулом могла бы откупиться деньгами от наказания палками, и разве не осталась бы она тогда в семье Цуй целой и невредимой? У академика Ханьлинь Цуй в доме живет столь злобная женщина, оттого и на служебном поприще ему приходится несладко. Благо еще, что в семье Сюй не вышло толком никаких чиновников, а иначе род, воспитавший такую преступницу, вряд ли способен предложить достойных слуг государству.

Евнух Гао презрительно ухмыльнулся:

— А ее сынок разве не пустозвон в красивой обертке? Стоило Цзиньивэй задать пару вопросов, как он уже пополз по полу и встать не мог.

Пока они вдвоем вели эту беседу, они направились к выходу. Цуй Цюэ с трудом поднялся, чтобы проводить их, но на него никто даже не обратил внимания. Лицо его заливала бледность напололам с краской стыда, со лба градом шел холодный пот. Вернувшись во внутренние покои, он тут же велел собрать сундуки и приданое госпожи Сюй и отправлять все в семью Сюй — на этот раз он твердо вознамерился выгнать жену.

Когда шурины из семьи Сюй попытались устроить скандал, он сошелся бровями и грозно выкрикнул:

— Госпожа Сюй самовольно подслала людей подать донос на цензора, и я ее этому не учил! Если хотите скандалить, я не побоюсь отправиться в Северную Чжэньфуся и попросить Цзиньивэй выяснить, кто подал ей эту идею, за которую полагается удушение!

Госпожу Сюй уже забрали Цзиньивэй, и неизвестно, выйдет ли она живой из императорской тюрьмы, так станет ли он тратить силы на этих людей? Единственный, кто действительно заставлял его ломать голову, был Цуй Се. Как этот посредственный мальчишка, толком не освоивший даже основные каноны, ухитрился отправиться из уезда Цяньань в Юнпинскую управу и даже сдать экзамены Юнпинской управы?

Неужели молва о нем как о вундеркинде распустилась вовсе не ради того, чтобы выслужиться перед ним и выпросить разрешение вернуться в столицу?

Вернувшись, он приказал управляющему:

— Быстро собирайте вещи и посылайте людей на родину, чтобы привезти его сюда! Не нужно

ждать вывешивания списков — пусть бросят один взгляд на результаты и немедленно везут его в столицу, вот что самое главное!

Госпожа Сюй попала в императорскую тюрьму и не прошло и двух дней, как созналась в содеянном и подписала признательные показания.

На первом допросе она еще упрямо отрицала, что тайком подсылала людей с клеветническим доносом на начальника уезда Ци. Однако едва Се Ин приказал привести жестоко пытанного проходимца и слуг семьи Сюй для очной ставки, вид ключьев сорванной плоти и капающей крови мгновенно развеял остатки ее спеси.

Человеком, которого она послала к разбойникам с доносом, был Сюй Шэн, сын ее доверенной служанки матушки Ди. Исполнив поручение, он получил от нее триста лян серебра и приказ покинуть столицу. Она и подумать не могла, что после долгого отсутствия увидит Сюй Шэна именно здесь — в мрачной, сокрытой от дневного света императорской тюрьме Северной Чжэньфусы.

Сюй Шэн был избит до такого состояния, что походил на окровавленный обрубок. Увидев ее, он тут же ткнул в нее пальцем:

— Это она! Госпожа Сюй дала мне триста лян серебра и велела подкупить столичных бродяг и нищих, чтобы они отнесли ложный донос в канцелярию цензоров! Я не знал, что это тяжкое преступление, я лишь слуга: что господа прикажут, то и вынужден делать, у меня не было выбора...

Госпожа Сюй только собралась выкручиваться, как сидевший рядом на допросе судейский цяньху Лу Си сокрушенно поцокал языком:

— В свое время Император-Основатель издал «Великие установления, изданные императором», повелев народу Поднебесной хранить свод законов в каждом доме, дабы все знали законы государства. Вы же ослушались священной воли, оттого и пожинаете нынче беду. Принеси ты мне тот донос в Северную Чжэньфусы, я бы тебе еще десять лян серебра пожаловал! Разве не лучше это, чем терпеть страшные пытки?

Хоть он и улыбался, его темные глаза излучали такой лютый холод, словно пропитались кровью бездонных казематов.

Сюй Шэн, дрожа, свернулся калачиком на полу и покорно признал вину, а подкупленный нищий и вовсе дышал через раз. Госпожа Сюй, опустившись на колени, отползла на пару шагов назад и в ужасе запричитала:

— Это не я! Он меня очерняет! Я даже не знала этого начальника уезда Ци, с чего бы мне посылать их с доносом?! Я супруга Цуй Цюэ, вы не имеете права пытать меня!

Се Ин с судейского места ответил спокойно и мягко:

— Твой титул гаомин уже аннулирован императором, так что никаких препятствий для применения пыток нет. У меня на руках уже имеются показания двух свидетелей, дожидаются допроса еще несколько негодяев, не доставленных пока в столицу, а также заявление Цуй Цюэ, ожидавшего у дверей, о том, что ты очернила начальника уезда, пытаясь подставить пасынка. Не хватает лишь твоего собственного признания. Император даровал мне четкий указ расследовать дело с усердием, так что если не сознаешься сама, мне придется отдать приказ о пытках.

Лу Си с усмешкой добавил:

— Зачем ты тратишь на нее слова? Принесите пыточные орудия для женщин, опробуйте их на ней по очереди — быстро заговорит.

Стражники тут же внесли чугунные орудия пыток, покрытые наслоениями запекшейся крови и ржавчины. Госпожа Сюй, сжав зубы, истошно кричала о своей невиновности и отчаянно цеплялась за упрямство. Се Ин произнес:

— Все-таки она дочь чиновника и бывшая почтенная дама, зачем же проявлять такую жестокость? Поступим помягче: принесите тиски для пальцев и сдавите ей пальцы, только и всего.

Слуги принесли бамбуковые тиски и зажали в них изящные, тонкие пальцы. С противоположных концов затянули веревки, и госпожа Сюй зашлась в исступленном крике, от дикой боли готовая разбить себе голову о пол. Сквозь туман страданий она услышала голос Се Ина:

— Послабее, не переломайте ей пальцы. Уезд Цяньань ведь не понес реального наказания, так что за ее ложный донос предельное наказание — сотня ударов палками да ссылка на триста ли. Отмена наказания откупается всего тридцатью шестью связками медяков, глупо из-за такой мелочи доводить дело до греха.

Лу Си рассмеялся:

— В столице многие откупаются от палок, да вот только медяки ныне куда дороже серебра! Разве тот Цуй Цюэ не беден до крайности, раз давит каждый грош и даже усадьбу пожалел отдать казне? Вряд ли он станет выкладывать деньги за откуп жены.

Услышав слова про «тридцать шесть связок», госпожа Сюй более не могла терпеть и завопила во весь голос:

— Я согласна откупиться! Я признаю вину! Если Цуй Цюэ не заплатит за меня, пусть мои родители отдадут эти тридцать шесть связок!

Се Ин взмахнул рукой, велел убрать пыточные орудия и принялся записывать показания.

Она бы и рада свалить вину на Цуй Цюэ, да вот только за нее крепко взялись Цзиньивэй, а показания Сюй Шэна не оставляли надежды выкрутиться. Если же и Цуй Цюэ лишится должности, ее собственный сын станет сыном опозоренного преступника, и его будущему придет конец. А так — с нее, неразумной женщины, незнакомой с законами, взятки гладки: совершила проступок, внесет откупные, ну а в худшем случае — окажется отвергнутой женой...

<http://bllate.org/book/18372/1761330>